

ДИСКУССИИ

УДК 327.5:316.48

URL: <http://hdl.handle.net/11435/2176>

Кошкин А. П., Черданцев В. В.
С.

А. П. КОШКИН,

доктор политических наук, профессор,

В. В. ЧЕРДАНЦЕВ,

кандидат филологических наук, доцент

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

ВОЗМОЖНА ЛИ БАЛКАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА?

Цель: определение возможности и вероятности балканизации российско-украинских межобщественных отношений.

Методы: необходимость исследования основных факторов, воздействующих на состояние современного российско-украинского конфликта в его этнополитическом измерении при преимущественном внимании к межобщественным отношениям обусловили использование историко-генетического, сравнительно-исторического и типологического методов исследования, интегрированных системным подходом.

Результаты: показаны основные параллели, возникающие при соотнесении этнополитической ситуации на Балканах и, прежде всего, сербско-хорватских отношений с современным российско-украинским конфликтом, преимущественно на уровне отношений русских и украинцев как этнических общностей. Этносоциальные и этнополитические различия генезиса и современного состояния обоих конфликтов не дают достаточных оснований для определенных прогнозов о неизбежности балканизации российско-украинского конфликта.

Научная новизна: в статье обоснована несостоятельность однозначных уподоблений российско-украинского конфликта на межобщественном и связанном с ним межэтническом уровнях сербско-хорватскому конфликту; показаны существенные отличия данных конфликтных ситуаций, что не дает оснований для категоричных выводов о развитии российско-украинских отношений по югославскому сценарию.

Практическая значимость: основные положения и выводы статьи могут быть использованы в научной и педагогической деятельности при исследовании этноса и этничности, при анализе этнополитических процессов на современной Украине и рассмотрении состояния и перспектив развития российско-украинских отношений.

Ключевые слова: балканизация; конфликт; этнос; субэтнос; этническая общность; межэтнические границы; этнические маркеры; этническая ассимиляция; культурные ценности и символы; национализм; народ.

Введение

В связи с бурными событиями на Украине и вокруг нее нередко приходится слышать и читать не только об угрозе балканизации внутри украинского конфликта и российско-украинских отношений, но и о том, что развитие событий, подобное ситуации множественных кровавых конфликтов и кризисов в бывшей Югославии 1990-х гг., уже состоялось. Не рассматривая специально реальность угрозы балканизации внутри украинского конфликта, в данной

статье мы анализируем меру и степень опасности развития российско-украинских межобщественных отношений по югославскому сценарию.

При всей сложности и нередко гнетущем характере ситуации в современных российско-украинских межобщественных отношениях, имеющих этническое обоснование, их балканизация является пока что преимущественно потенциальной угрозой, а не культурной и политической реальностью. Обоснуем эту мысль.

Результаты исследования

1. *Хорватское общество является относительно сплоченным и в своей ориентации на Запад, и в своем неприятии сербов. В отличие от украинского общества.*

Как во внутриукраинских отношениях между, условно говоря, западом и востоком страны, так и в отношении украинцев и русских как народов невозможно себе представить нечто подобное сценам изгнания сербов из Сербской Краины в Хорватии, когда на группы сербских беженцев, женщин и детей, нападали с вилами и топорами хорватские женщины и дети [1, с. 33]. Ведь среди беженцев от войны на Донбассе и связанных с ней бедствий (при всех противоречивых данных) их примерно равное количество и в России, и на Украине. Причем прямой зависимости направления этих потоков беженцев от этнической принадлежности к русским или украинцам не наблюдается.

И в этом смысле хорватское общество существенно отличалось и отличается от украинского. Хорватское общество является одним из самых моноэтнических в Европе. Украинский этнос как интегрированное социокультурное образование – это во многом условность: он напоминает совокупность матрешек-субэтнотосов сходной величины – Галичина, Волинь, Северщина, Гетманщина, Подолия, Слобожанщина – внутри каждой из которых находятся матрешки меньшего размера. Плюс второй по численности этнос – украинские русские, даже по заниженным официальным данным, составляющие 17 % населения (на январь 2014 г.). Плюс другие украинские этнические меньшинства общей численностью еще до 6 % населения.

Между тем главный довод при уповании одних и опасении других наблюдателей и аналитиков по отношению к балканизации в российско-украинских межгосударственных и русско-украинских межэтнических отношениях состоит именно в уподоблении России – Сербии, а Хорватии – Украине, приравнивании русских к сербам, а украинцев – к хорватам.

2. *Хорватия, как и Словения, еще в составе Союзной Югославии были самыми экономически развитыми республиками и остаются таковыми в качестве независимых государств. Украина после распада СССР так и не смогла выйти на уровень ВВП, соответствующий 1990 г., а с победой «евроинтеграторов» переживает экономический коллапс.*

Украина также была одной из самых благополучных республик в составе СССР. Но она стала такой именно в составе СССР. А после его распада уже в 1990-е гг. пережила еще более сильный спад, чем Рос-

сия. Характерно, что по мере все большей дистанцированности от России все более нарастали негативные тенденции в экономике и социальной сфере Украины. А в течение 12 месяцев после второго Майдана 2014 г. эта зависимость ухудшения положения дел на Украине по мере усиления антироссийской риторики и практической политики приобрела пугающий характер. Независимые Хорватия и особенно Словения при реальной помощи европейских структур, напротив, смогли достаточно быстро преодолеть последствия распада единой Югославии.

То, что по мере все большего дистанцирования от России положение дел в украинской экономике и социальной сфере все более ухудшается и эта зависимость объективно носит прямо пропорциональный характер, создает глубинные предпосылки для дальнейшей нормализации российско-украинских отношений, но только при преодолении существующего глубокого системного кризиса украинского общества и государства.

Ведь никакой реальной интеграции Украины в европейские структуры не происходит и в обозримом будущем не предвидится, в отличие от Словении и Хорватии или даже стран Балтии. А в современном мире любое государство является частью региональных и (или) цивилизационных мегапроектов.

3. *Отсутствие в российско-украинских отношениях фактора боснийских мусульман, существенно осложнившего противостояние сербов и хорватов.* Российские мусульмане – автохтоны, следующие историческому выбору своего народа, а не вероотступники как бывшие сербские сектанты-богомилы, принявшие ислам под давлением властей Османской империи.

Подавляющая часть российских мусульман однозначно отвечают на важнейший вопрос наших дней: «Скажи мне, чей Крым, и я скажу – кто ты». Вместе с православными и представителями других конфессий они солидарны с поддержкой Донбасса. Характерно, что именно руководство современной Чечни является одной из тех сил, что выступает за более решительную позицию в поддержке Новороссии и Донбасса.

И когда известно, что добровольцы из числа чеченцев есть по обе стороны вооруженного конфликта на Донбассе, особенно явственно видна неэтническая природа данного противостояния. И эта ситуация является как бы отражением неэтнической природы прежнего урегулированного конфликта на Северном Кавказе. Ведь, с одной стороны, за нынешнюю киевскую власть сражаются последние сторонники «неза-

висимой Ичкерии», а с другой – со стороны народных республик – россияне чеченского происхождения, осознающие связь противостояния на Донбассе с положением дел в России.

4. *Отсутствие резких межэтнических границ между русскими и украинцами, наличествующих между сербами и хорватами*, которые несколько веков жили в разных (причем враждебных друг другу) государствах.

Жесткое различие этнокультурных черт-маркеров у сербов и хорватов, невзирая на общность происхождения обоих народов, заключается в:

- языке – точнее, способе его передачи (кириллица – латиница);
- религии (православие – католицизм);
- культурных ценностях и символах;
- образе жизни и культуре повседневности;
- различной исторической судьбе в процессе этногенеза.

Во многом так сложилось потому, что реальную помощь славянам Балкан в их борьбе против османского владычества оказывала не соседняя Австрия, а географически далекая, но духовно близкая Россия. А Австрия, напротив, проводила политику этнической сегрегации – разделения народов с целью укрепления своей «лоскутной» государственности.

С другой стороны – известная аморфность этнических границ между русскими и украинцами: «по культуре, языку, образу жизни очень трудно отличить русского от украинца на просторах от Днестра до Кубани» [2, с. 5].

Способ передачи языка один – кириллический алфавит. Сам язык является близкородственным и трактуется рядом исследователей как южнорусский диалект, насыщенный полонизмами (заимствованиями из польского языка). И все же язык составляет важнейшее отличие, поскольку остальные не столь очевидны.

Различий в культуре повседневности – не больше, чем между русскими поморами и русскими воронежцами, и они более значительные, чем между закарпатскими гуцулами и жителями Харьковщины (Слобожанщины).

Культурные ценности и символы на 9/10 совпадают. Религиозная вера одна, если признать греко-католиков за религиозных маргиналов, которые неизменно поднимались в условиях «радикализации современного западноукраинского национализма, с его жесткой этнической привязкой, с мощными мобилизационными механизмами, с отношением к более «мягко» настроенным соотечественникам как

к «коллаборантам» и отступникам. Тогда же (в середине XX в. – *прим. авторов*) загнанная в подполье униатская церковь окончательно закрепляется в роли оплота украинства, которую она во многом обрела в межвоенной Польше» [3, с. 31].

Общность исторической судьбы очевидна, хотя и нуждается в постоянном доказывании, особенно теперь. Иначе она подрывается конъюнктурной политизированной фальсификацией истории, и на ее место приходит мифология. По мнению одного из первых последовательных оппонентов украинства в России С. Щеголева, последнее носит регрессивный характер и изначально основано на мифологии, так как «хотело бы вернуть ядро России к эпохе битвы при Калке, чтобы начинать сказку про белого бычка об изолированности центра и юго-восточной европейской низменности» [4, с. 524]. Социальная мифология, как показывает опыт XX в., может подрывать иммунитет даже у обществ с достаточно высокой степенью гражданской зрелости.

5. *Отсутствие четко определяемых этноразличительных признаков русских и украинцев при демонстративности этнических отличий сербов и хорватов.*

Украинский вопрос – это вопрос-ровесник «появления украинского этнографического элемента в составе Московского государства. В разное время вопрос этот принимал разные формы» [5, с. 1]. По мнению одного из лидеров украинства XIX в. М. Драгоманова, невозможно представить Украину и украинцев вне России и русских, что выразилось в его чеканной формуле: «Несоединимо. Но и неразделимо».

Массовая добровольная ассимиляция украинцев в России имела и имеет столь ярко выраженный характер, что даже в большинстве российских городов-миллионников нет ни единой школы на украинском языке. При том, что украинцев по происхождению там десятки тысяч. Но вовсе не из-за якобы существующей дискриминации. Повсеместно распространенные в современной России украинские общества не могут набрать достаточного количества учащихся даже для одной небольшой школы. В тех из этих обществ, где игнорируется общность нашей совместной истории и культуры, круг их деятельности носит фольклорно-реликтовый характер, с одной стороны, и пропагандистский по отношению к несуществующим достижениям «незалежной» – с другой.

Широко распространенная этническая «мимикрия» – своего рода поверхностная ассимиляция в России характерна даже для выходцев из Галиции и Волыни – исторической и социальной базы «анти-

москальских» настроений. Среди 2,5 млн граждан Украины, в настоящее время находящихся, по данным ФМС, по разным основаниям на территории РФ, значительную часть составляют так называемые «западенцы». В основном это трудовые мигранты, а также мужчины призывного возраста, спасающиеся от призыва в армию. При этом никаких дискриминационных мер в отношении данных граждан Украины в РФ не принимается. И в обществе отсутствуют сколько-нибудь заметные этнофобии не только по отношению к украинцам в целом, но и к волынцам и галичанам в частности.

Следует отметить и достаточно распространенный аналогичный процесс с русскими по происхождению гражданами в ставшей независимой Украине. Согласно проводимым переписям населения, в постсоветской Украине была отмечена столь существенная убыль русского населения при отсутствии массовой миграции (наблюдавшейся прежде всего из стран Центральной Азии и Казахстана), что большинство исследователей отмечало «изменение фиксируемой частью граждан этнической идентичности с русских на украинцев. Это относилось к выходцам из смешанных семей» [6, с. 120–123].

Здесь же – корни на первый взгляд странного явления – русскоязычного украинского национализма. Это не только один из современных символов воинствующего укрофашизма С. Семенченко с настоящей фамилией Гришин. Трудно сказать, сколько таких Гришиных в партиях «Свобода», «Правом секторе», «Спильной справе». Увы, именно они здесь играют роль «младшего брата» свидомых укрофашистов.

При дальнейшем и все более глубоком кризисе национальной идеи современной Украины и ее государственности многие из подвергшихся такой добровольной ассимиляции вспомнят свою русскость как спасательный круг.

6. *Отсутствие в России какой-либо неприязни к украинцам по этническим мотивам и сочувственное отношение к жителям Донбасса, и жесткое взаимное неприятие сербов и хорватов.* История свидетельствует: сербы и хорваты ошибок друг другу не прощали, а слабости одной стороны так или иначе использовались против нее другой стороной. При неприязни к историко-политическому выбору значительной части современных украинцев в России преобладает отношение к ним как к заблудшим, обманутым и подлежащим исправлению, «лечению». А естественная реакция отторжения укрофашизма как идеологии и политической практики не имеет ничего общего с

этнофобией. Лица же, совершившие преступления из националистических побуждений, должны отвечать по закону за совершенное злодеяние. То есть сознание современного российского общества не подвержено стремлению к возложению коллективной ответственности на весь украинский народ.

Характерно также, что при определенном ухудшении уровня жизни в 2014–2015 гг. в самой России большинство населения не винит в этом власть за Крым и Донбасс (как на это рассчитывали на Западе) и, напротив, сознает необходимость дальнейшего оказания помощи Донбассу. При том, что предшествующие 23 года о Донбассе наши СМИ почти не вспоминали, а к его населению относились именно как к гражданам другого государства и только.

А ведь большинство донбассцев по происхождению – этнические украинцы, о чем свидетельствовали все переписи населения начиная с 1897 г.

7. *Наличие множественной этнической идентичности как ряда переходных состояний от русских к украинцам и обратно.* Современную Украину можно схематически представить как ряд этнических зон (пооясов), в которых существовало и существует различное соотношение собственно украинского и общерусского начал.

Если исходить из концепции украинского национального государства как закономерного результата этногенеза украинского народа, то исходным здесь является наличие двух конкурирующих центров украинства, имеющих в качестве государственных истоков в 1917–1920 гг. Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики. Следует вспомнить здесь «Акт Злуки» (соединения) Украинской Народной Республики и Западно-Украинской Народной Республики в единое государство 22 января 1919 г., отмечаемый в современной Украине как национальный праздник. При этом в Киеве предпочитают не вспоминать кратковременность действия «Акта Злуки» и его почти скандальное прекращение под давлением воссозданного польского государства.

Становой хребет современного украинского национализма представляет собой ось от Галичины до Гетманщины, от Львова до Киева. Именно в данном порядке. Поэтому идеология относительно умеренного украинского национализма С. Петлюры уступает здесь агрессивному фашиствующему национализму Бандеры и Шухевича. Однако интенсивность украинского национализма убывает по мере перемещения от Львова к Киеву, рассеиваясь по мере продвижения на восток и юг страны.

Не удивительно, что народные восстания против киевской хунты весной 2014 г. начинались в тех крупных городах, где при наименьшем распространении украинского национализма исторически были сформированы центры сопротивления ему: Одесская, Таврическая и Харьковская народные республики, Донецко-Криворожская республика 1918–1919 гг. Так в раннесоветское время в новых исторических условиях возрождалась идея Новороссии. Так развивались события и почти 100 лет спустя.

В отличие от маленькой Сербской Краины в составе Хорватии с преимущественно сербским населением более 400 тысяч человек – менее 1/10 части общей численности населения (до 1995 г.), половину территории государства Украина занимают земли, где не происходил этногенез украинского народа ни в его западном, ни в его центрально-украинском вариантах. Украинский национализм там не имеет корней и является привнесенным извне, а в течение XVIII – XX вв. на этих землях сложилась общерусская полиэтническая общность. Как отмечает А. Шубин, в истории Новороссии – востока и юга государства Украина – «важной и характерной особенностью... было отсутствие поддержки националистов» (вплоть до начала XXI в.) [2, с. 417]. Бывший директор Института славяноведения РАН В. Волков неизменно отстаивал единство «восточнославянского этноса, который до революции носил общий этноним – «русские», применявшийся к великороссам, малороссам (украинцам) и белорусам. После революции этот этноним стали применять только к первым, а территория их расселения урезалась в пользу сопредельных республик» [7, с. 59].

8. *Сербская идентичность и национальный дух были сильно подорваны поражением 1999 г.* – натовской агрессией и фактической аннексией Косово при самоустранении России как исторического союзника. «Пятая колонна» сербской прозападной оппозиции, получив массовую поддержку, совершила госпереворот 2000 г. – Оранжевую революцию в национальном варианте. Многие сербы, особенно старших поколений, называют свою нынешнюю государственную власть оккупационной. Сербское общество оказалось расколото на три части: патриотов-традиционалистов, либералов-западников и «третью силу» – не определившихся и сторонников победителей, кем бы они не были. Это состояние неустойчивого равновесия разнонаправленных политических сил характерно и для современной Сербии.

Очевидно, что в современной Сербии возглавляемые США различные НКО и фонды в поддержку де-

мократии и прав человека пытаются (и небезуспешно) расколоть сербское общество, используя и украинский опыт раскола на Запад и Восток, возвращаемый сначала в Австро-Венгрии, а затем и в межвоенной Польше. Как отмечает А. Миллер: «Современная оппозиция «западноукраинской» и «восточноукраинской» идентичности сформировалась в XX в., прежде всего, под влиянием польского опыта межвоенного периода» [8, с. 1].

На Украине одной «оранжевой революции» для доминирования антироссийской политики оказалось мало. Второй Майдан наглядно демонстрирует: «американские политехнологии окончательно переходят на смешанную схему государственных переворотов, где ненасильственные методы борьбы зачастую канализируются в кровавые столкновения и даже в гражданские войны» [6, с. 14]. В России же Майдан не пройдет.

9. *У современной России были важные победы в противостоянии с экспансией США и их сателлитов, у Сербии за последние 20 лет, начиная с Дейтонских соглашений 1995 г. по Боснии и разгрому Сербской, были только поражения и отступления.* Решительные действия российской власти во время нападения Грузии на Южную Осетию – кризиса августа 2008 г. – были с пониманием и поддержкой встречены подавляющим большинством российского общества. Равно как и последующее признание Абхазии и Южной Осетии в качестве независимых государств, оказание им всесторонней поддержки и помощи, невзирая на противостояние западных держав во главе с США.

Российское общество в условиях украинского вызова и крымской весны, в отличие от Сербии образца 2000 г., оказалось верным своей исторической судьбе и, как это неизменно было в тяжелые времена, сплотилось вокруг своей власти. (Так действительно было всегда при вменяемой власти, защищающей интересы страны и народа. Невменяемая власть образца 1917 и 1991 гг. поддержку утрачивала).

Прозападное крыло современного российского общества сильно не своей народной поддержкой – она минимальна, а позициями во властной и околowlастной политической и особенно экономической элитах. В глазах подавляющей части населения эта позиция привилегированного прозападного меньшинства близка к предательству, и здесь – глубокое отличие от ситуации в Сербии и на Балканах.

10) И, наконец, *политическое руководство современной России возглавляет исторический по масштабу и значимости переход России от ограниченного суверенитета образца 1990-х гг. к статусу одного из важнейших центров современного мира.*

Выводы

Несмотря на обострение межгосударственных отношений России и Украины, оно не нашло, да и не могло найти зеркального отражения в состоянии межэтнических отношений. Да, эти отношения ухудшились и переживают тяжелый период испытаний. Но уже в новейшей истории России есть ценный опыт разрешения тяжелых конфликтов и блокирования возможностей их перерастания в тотальное межэтническое противостояние.

Государству и российскому обществу в начале XXI в. удалось доказать, что они – не враги чеченскому народу, как и любому другому этническому образованию в их составе, а, напротив, стремятся помочь ему избавиться от опасного (хоть и противоречивого) союза ичкерийских националистов, северокавказских сепаратистов и исламских фундаменталистов. И чеченский народ на переходном этапе своего развития поддержал национальных лидеров, связавших свою судьбу с Россией.

В ситуации с Украиной мы не видим глубоких и определенных межэтнических различий русских и украинцев. На первый план выходит парадоксальное возрождение националистической традиции наибольшего отторжения от наиболее притягательной силы для украинского народа (а таковой веками была большая Россия), с одной стороны, и гипертрофия собственной отличительности – современного «конструирования этничности» – с другой. Ставится цель подчинения ядру галичанского укронационализма более умеренного центральноукраинского национализма, а вокруг их современной «злуки» – выстраивания всего остального украинского народа. И только используя столь сильные, «убойные» средства, как бандеровская идеология и политическая практика, тут

можно добиться определенных результатов. Но это возможно лишь при искаженной реальности, в которой русские – враги, на протяжении веков подавляющие украинский народ и губящие его национальное государство. А длительное пребывание в искаженной реальности разрушительно и контрпродуктивно.

Переформатирование народа Украины по бандеровским лекалам – задача недостижимая. Как недостижимой для противников России является и балканизация российско-украинских межобщественных отношений.

Список литературы

1. Гуськова Е.Ю. Вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. 563 с.
2. Шубин А.В. История Новороссии. М., 2015. 480 с.
3. Миллер А.И. Дуализм идентичностей на Украине. URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukrainec.1> (дата обращения: 01.03.2015).
4. Щеголев С.Н. Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма. Киев, 1912. 588 с.
5. Вернадский В.И. Украинский вопрос и русское общество. URL: <http://www.igrunov.ru/ukr/vchk-ukr-history/vchk-ukr-history-vernad.html> (дата обращения: 01.03.2015).
6. Цатурян С.А., Джавлах К.С. Украина 2014 г.: техника и предварительные итоги государственного переворота // Международное публичное и частное право. 2014. № 5 (80). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJ;n=82227> (дата обращения: 01.03.2015).
7. Волков В.В. Этнономенклатура и распад государства // Свободная мысль – XXI. 2000. № 9–10.
8. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русаком общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб.: Алетейя, 2000. 260 с.

В редакцию материал поступил 31.03.15

© Кошкин А. П., Черданцев В. В., 2015

Информация об авторах

Кошкин Андрей Петрович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Адрес: 117997, Москва, Стремянный переулок, 36, тел.: (499) 237-95-15
E-mail: 160957@mail.ru

Черданцев Валерий Вениаминович, кандидат филологических наук, доцент кафедры политологии и социологии, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Адрес: 117997, Москва, Стремянный переулок, 36, тел.: (499) 237-95-15
E-mail: vvcher62@mail.ru

Как цитировать статью: Кошкин А.П., Черданцев В.В. Возможна ли балканизация российско-украинского конфликта? // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 3. С.

A. P. KOSHKIN,

Doctor of Political Science, Professor,

V. V. CHERDANTSEV,

PhD (Philology), Associate Professor

Russian University for Economics named after G.V. Plekhanov, Moscow, Russia

IS THE BALKANIZATION OF THE UKRAINIAN-RUSSIAN CONFLICT PROBABLE?

Objective: to determine the possibility and probability of Balkanization of the Ukrainian-Russian inter-societal relations.

Methods: the need to study the main factors affecting the state of the modern Russian-Ukrainian conflict in its ethno-political dimension, with the predominant focus on intersocietal relations, determined the use of the historical-genetic, comparative-historical and typological methods of investigation, integrated with the systemic approach.

Results: the main parallels are shown that occur when comparing the ethno-political situation in the Balkans and, above all, the Serbian-Croatian relations, with the current Russian-Ukrainian conflict, mainly at the level of relations of Russians and Ukrainians as ethnic groups. The ethno-social and ethno-political differences of the genesis and current state of both conflicts do not provide a sufficient basis for specific predictions about the inevitable Balkanization of the Russian-Ukrainian conflict.

Scientific novelty: the article proves the inconsistency of unambiguous similes of the Russian-Ukrainian conflict and inter-ethnic Serbian-Croatian conflict at inter-societal and associated levels; it shows the significant differences of the conflict situations that do not lead to dogmatic conclusions about the development of the Russian-Ukrainian relations by the Yugoslavia scenario.

Practical significance: the main provisions and conclusions of the article can be used in scientific and pedagogical activity in the study of ethnoses and ethnicity, in the analysis of ethno-political processes in modern Ukraine and consideration of the status and prospects of the development of Russian-Ukrainian relations.

Keywords: Balkanization; conflict; ethnoses; sub-ethnic group; ethnic group; ethnic boundaries; ethnic markers; ethnic assimilation; cultural values and symbols; nationalism; nation.

References

1. Gus'kova, E. Yu. *Vooruzhennyye konflikty na territorii byvshei Yugoslavii* (Armed conflicts on the territory of the former Yugoslavia). Moscow: Institut vostokovedeniya RAN, 1999, 563 p.
2. Shubin, A.V. *Istoriya Novorossii* (History of Novorossia). Moscow, 2015, 480 p.
3. Miller, A.I. *Dualizm identichnostei na Ukraine* (Duality of the ethnicities in Ukraine), available at: <http://www.strana-oz.ru/2007/1/dualizm-identichnostey-na-ukraines.1> (accessed: 01.03.2015).
4. Shchegolev", S.N. *Ukrainskoe dvizhenie kak "sovremennyyi etap" yuzhnorusskago seperatizma* (Ukrainian movement as the modern stage of the Southern Russian separatism). Kiev", 1912, 588 p.
5. Vernadskii, V.I. *Ukrainskii vopros i russkoe obshchestvo* (Ukrainian issue and the Russian society), available at: <http://www.igrunov.ru/ukr/vch-ukr-history/vch-ukr-history-vernad.html> (accessed: 01.03.2015).
6. Tsururyan, S.A., Dzhavlah, K.S. *Ukraina 2014 g.: tekhnika i predvaritel'nye itogi gosudarstvennogo perevorota* (Ukraine in 2014: technique and preliminary results of the coup d'etat). *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2014, no. 5 (80), available at: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CJI;n=82227> (accessed: 01.03.2015).
7. Volkov, V.V. *Etnonomenklatura i raspad gosudarstva* (Ethno-nomenclature and destruction of the state). *Svobodnaya mysl' – XXI*, 2000, no. 9–10.
8. Miller, A.I. «*Ukrainskii vopros*» v politike vlastei i russkom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.) ("Ukrainian issue" in the official policy and the Russian public opinion (second half of the 19th c)). Saint-Petersburg: Aleteiya, 2000, 260 p.

Received 31.03.15

Information about the authors

Koshkin Andrey Petrovich, Doctor of Politology, Professor, Head of the Chair of Politology and Sociology, Russian University for Economics named after G.V. Plekhanov

Address: 36 Stremyanniy pereulok, 117997, Moscow, tel.: (499) 237-95-15

E-mail: 160957@mail.ru

Cherdantsev Valeriy Veniaminovich, PhD (Philology), Associate Professor of the Chair of Politology and Sociology, Russian University for Economics named after G.V. Plekhanov

Address: 36 Stremyanniy pereulok, 117997, Moscow, tel.: (499) 237-95-15

E-mail: vvcher62@mail.ru

For citation: Koshkin A.P., Cherdantsev V.V. Is the balkanization of the ukrainian-russian conflict probable? *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2015, no. 3, pp.